

УДК 811.521

ББК 81.2

DOI 10.51955/2312-1327_2021_4_6

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ЯПОНСКОЙ АНТИВОЕННОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ТАЯМЫ КАТАЙ «一兵卒» («РЯДОВОЙ»))

*Анастасия Владимировна Колмогорова,
orcid.org/0000-0002-6425-2050,
доктор филологических наук, профессор
Сибирский федеральный университет,
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
nastiaKol@mail.ru*

*Георгий Олегович Самаркин
orcid.org/0000-0001-9269-2996
Сибирский федеральный университет,
пр. Свободный, 79
Красноярск, 660041, Россия
georgiisamarkin@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена описанию средств и способов дискурсивного конструирования образа войны в антивоенном рассказе японского писателя Таямы Катай «Рядовой». Для анализа применяется алгоритм описания художественного концепта, являющегося когнитивной основой конструируемого образа войны.

Данное исследование опирается на модель образа, включающую в себя концептуальное ядро, идеологическое содержание и прагматическую оболочку. Рассмотрение каждого компонента данного формата знания позволит многогранно описать образ войны.

Делается вывод о том, что концептуальная основа данного образа имеет иерархическую структуру и включает в себя макроконцепт «война» («戦争» /сэнсо:/), а также концепты базового уровня «армия» («軍» /гун/), «противостояние» («対戦» /таисэн/) и, наконец, – индивидуальные концепты «страдание» («悩み» /наями/) и «память» («記憶» /киоку/). Данная концептуальная иерархия на уровне дискурса результирует в образ войны как болезни общества, где нет плохих и хороших, а есть только боль и страдание.

Ключевые слова: дискурсивное конструирование, война, японская антивоенная проза, японский язык, художественный концепт, концептуальный анализ.

CONSTRUCTION OF WAR IN LITERARY DISCOURSE OF THE XX CENTURY ANTIWAR JAPANESE PROSE (ON THE MATERIAL OF TAYAMA KATAI'S NOVEL «一兵卒» («ONE SOLDIER»))

*Anastasia V. Kolmogorova,
orcid.org/0000-0002-6425-2050,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Siberian State University,
79, Svobodny Prospect
Krasnoyarsk 660041, Russia
nastiakol@mail.ru*

*Georgii O. Samarkin,
orcid.org/0000-0001-9269-2996,
Siberian State University,
79, Svobodny Prospect
Krasnoyarsk 660041, Russia
georgiisamarkin@gmail.com*

Abstract. The paper is devoted to the description of the means and features of the discursive construction of the image of war represented in the antiwar Japanese novel “One Soldier” written by the Japanese author Tayama Katai. The analysis includes a literary concept description algorithm which forms a cognitive basis for the image being constructed.

The research is based on the model of image including a conceptual core, ideological content and pragmatic shell. The analysis of every part of the model allows to describe multifacetedly the image of war.

It is concluded that the conceptual basis of the image has a hierarchical structure and includes the microconcept “war” (戦争 /senso:/), the basic concepts “army” (軍 /gun/) and “competence” (対戦 /taisen/), and the individual concepts “suffering” (悩み /nayami/) and “memory” (記憶 /kioku/). This conceptual hierarchy results in the discursive basis of the image of war represented as a wound on a society depicting not the good and bad, but the pain and suffering.

Key words: discursive construction, war, Japanese antiwar prose, the Japanese language, literary concept, conceptual analysis.

Introduction (Введение)

Актуальность исследования обусловлена интересом гуманитарных наук к дискурсивному конструированию как процессу формирования образа некоторого феномена, события, явления в массовом сознании. Антимилитаристские идеи в современном мире также приобретают всё больший вес. Для Японии идея и образ войны являются своеобразным камнем преткновения древней военной истории страны, ее самурайскими традициями, с одной стороны, и национальной травмой, нанесенной идентичности японцев в XX веке Второй мировой войной, – с другой. Практическая новизна работы определяется отсутствием исследований в области как лингвистики в целом, так и японоведения в частности, в которых осуществлялось бы описание средств дискурсивного конструирования образа войны в художественном антимилитаристском дискурсе. Целью данной работы является изучение и описание средств и способов дискурсивного конструирования образа войны в рамках японского художественного антивоенного дискурса на примере рассказа Таямы Катай «Рядовой».

Materials and methods (Материалы и метод)

Находящееся в фокусе исследования понятие «образ» определяется нами как комплексный формат знания, определяемый своей структурой: концептуальным ядром, идеологическим содержанием и прагматической оболочкой. Кроме того, мы подчеркиваем эмоциональную специфику данного понятия. Образ формируется на основе индивидуально-чувственного опыта, отражаясь в эмоциональной рецепции художественного произведения.

В основе исследования лежит принцип исследовательской интроспекции, а также модель когнитивного дискурс-анализа М.А. Голованевой, которую мы адаптируем к художественному дискурсу. Первоначальная модель включает в себя следующие этапы анализа [Голованева, 2013, с. 16-17]:

1. Определение дискурсообразующей реальности автора.
2. Выявление концептов, ретранслирующих смысловую организацию дискурса.
3. Системное распределение единиц, которые объективируют данные концептуальные структуры.
4. Установление семантического варьирования единиц.
5. Интерпретация коммуникативных действий, происходящих в заданном дискурсивном поле.
6. Обобщение полученных сведений.

Модифицированная нами модель определяется следующими этапами:

1. Определение внешнего контекста создания произведения. На данном этапе раскрывается исторический фон создания произведения.

2. Определение концептуальной иерархии дискурса в системе искомого образа. Осуществляется описание гештальтного для всего произведения концепта, а также базовых (прототипических) и микроконцептуальных (индивидуально-чувственных) уровней. Иерархичное разграничение концептов осуществляется с точки зрения теории прототипов Э. Рош, согласно которой в центре когнитивной категории находится базовый концепт (прототип), обладающий характеристиками исключительности [Rosch, 1976, p. 383-384]. Базовый когнитивный уровень включает структуры «срединного» уровня, на фоне которых четче профилируются гештальтные (макро-) и частные (микро-) структуры. Выделение базовых концептуальных структур в нашем исследовании осуществляется посредством дефиниционного анализа японоязычной номинации со значением «война», а микроконцептуальных – на основе пропозиции рассказа.

3. Анализ концептуального содержания образа. Данный этап осуществляется в соответствии с концепцией Н.Н. Болдырева об уровневой концептуализации. Определяются средства объективации концептов на лексическом (репрезентирующем), грамматическом (семиотическом) и модусном (интерпретирующем) уровнях [Болдырев, 2016, с. 22].

4. Анализ идеологического содержания образа. Определяются лексемы и фразеологизмы, претерпевающие семантические приращения и отражающие ценностные установки автора текста. В фокус помещаются идеологемы – «универсальная мыслительная, когнитивная, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте и – шире – в дискурсе собственно языковыми средствами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева, 2009, с. 34].

5. Анализ прагматического содержания образа. Прагматический вклад адресанта интерпретируется в соответствии с макропропозицией данного дискурсивного продукта.

6. Обобщение полученных ранее сведений с целью осмысления цельного образа.

Материалом исследования является японский антивоенный рассказ Таямы Катая «Рядовой», являющийся первым выдающимся антивоенным произведением японской литературы XX века. Подробному анализу в нашем исследовании подверглись лексическо-фразеологические и грамматические единицы, отобранные по принципу целевой выборки. Критерием для отбора единиц анализа служил признак «вовлеченность в контекст, актуализирующий один из концептуальных признаков войны». Объем проанализированного материала составляет 39 страниц оригинального текста на японском языке.

Discussion (Дискуссия)

В современной лингвистике неоспорима значимость такого направления исследования как анализ дискурса. Дискурс представляет собой связный текст, функционирующий в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и иными факторами [Арутюнова, 1990, с. 136]. Таким образом, реализуясь в континууме «пространство-время», дискурсивная практика поддается описанию в преломлении не только, собственно, к тексту, но и к актуальному контексту [Foucault, 1996, p. 188]. При данном ракурсе феномен дискурсивного конструирования оказывается в фокусе современных когнитивно-дискурсивных исследований.

Среди отечественных лингвистов, активно использующих данное понятие, следует назвать С.Н. Плотникову, которая, проводя параллели с социальным конструированием, определяет дискурсивное конструирование как процесс создания говорящим или пишущим, действующим и живущим в реальном мире, некоего образа этого мира, своеобразного «мира-со-мной», в котором свойства реальности проходят через фильтр индивидуальности субъекта [Плотникова, 2014, с. 41]. По мнению А.А. Николопулу, конструирование – это описание социального мира, отличающееся высокой субъективностью и сталкивающееся с культурным контекстом [Nikolopoulou, 2016, p. 82]. Как замечает В.З. Демьянков, дискурсивное конструирование, в котором отражаются время, события, обстоятельства и объекты, есть преддверие мысленного мира адресанта [Цит. по: Федосеева, 2016, с. 15]. Иными словами, сущностной характеристикой дискурсивного конструирования является формирование в сознании субъекта дискурса некоего образа действительности, соответствующего его желаниям, чувствам, установкам, который он проецирует при помощи продуцируемого дискурса вовне. В этом отношении художественный дискурс – идеальное пространство бытования обсуждаемого феномена.

Художественный дискурс рассматривается в качестве формы художественно-литературной коммуникации, осуществляемой в диаде «автор – читатель», а также в преломлении литературных персонажей как репрезентантов специфической картины мира. Художественный дискурс – толерантное взаимодействие адресанта (автора), адресата (читателя) и самого текста [Олизько, 2011, с. 164], а также продукт комплексной интеракции текстов и дискурсов в целом, что свидетельствует о наличии динамичной семиосферы, в поле которой обнаруживается взаимное влияние художественных элементов ряда текстов – реминисценции, ссылки на прецедентные феномены [Олизько, 2012]. Кроме того, художественное произведение обладает нарративной сущностью. О.Н. Колышева указывает, что нарративу присуща

концептуализация окружающей действительности, что, в свою очередь, отражает наиболее важные и чувственные эпизоды [Колышева, 2020, с. 401]. В рамках художественного дискурса как нарративного явления имеют место указания на персоналии, хронотоп и константная диалогичность. Из этого следует, что текст, и художественный в том числе, рассматривается как многофункциональное средство передачи информации, своеобразное зеркало индивидуально-психологической компоненты адресанта и специфическая форма культурной репрезентации [Краснова, 2011, с. 41]. Данная, репрезентативная, функция художественного текста как одного из способов изложения новой идеи, образа делает его отличным проводником концептуального первосмысла [Халитова, 2010, с. 132], вследствие чего при анализе конструирования образа оправдано применение когнитивно-дискурсивного подхода к анализу художественного произведения.

Когнитивная картина мира индивида строится на основе концептуальных структур – результата когниции, т. е. единиц концептуального содержания, необходимых для накопления знания и передачи информации [Болдырев, 2016, с. 18]. Концепт формируется в свете культурных национальных и индивидуальных характеристик [Kolysheva, 2019, p. 1723]. Опорные концепты формируют референциально-тематическую структуру, которая, в свою очередь, поддерживает развертывание дискурса [Федосеева, 2016, с. 16]. Художественный дискурс не является исключением, поскольку художественное произведение отражает набор наиболее репрезентативных концептуальных структур адресанта (автора), который, в свою очередь, ретранслирует концептуальную картину мира данного этноса.

Текст, будучи относительно структурированным иерархическим единством взаимосвязанных текстов, есть продукт как цельного высказывания, так и воплощение мыслей и идей индивида [Childe, 1956; Лотман, 1994; cited in: Wren, 2016, p. 144]. Кроме того, текст представляет собой идеологическую репрезентацию актуального социокультурного контекста, диктующего лидирующую мысль и обрамляемого риторическими тенденциями. Идеологизация текста включает в себя героическую объективацию (героизацию и центрирование) персонажей, которые функционируют в рамках следующей закономерной двойственности: одновременной манифестации «Я» и «Мы». Знаменательным в данном случае оказывается «Мы», которая требует определенной пресуппозиции у адресанта и реципиента для считывания прецедентных феноменов и противопоставления «свой – чужой».

Таким образом, моделируя образ войны и способы его дискурсивного конструирования в японской антивоенной литературе, мы будем активно применять элементы концептуального анализа, что поможет описать когнитивную составляющую данного процесса.

Results (Результаты)

Определение внешнего контекста создания произведения. Автором произведения является японский писатель Таяма Катай, который в 1904 году с началом русско-японской войны был мобилизован в Маньчжурию в качестве военного корреспондента. Свой опыт пребывания на фронте он описал в антивоенном рассказе «Рядовой», опубликованном в 1908 году. Таким образом, дискурсообразующая реальность автора порождена военными событиями, развертывающимися на фоне милитаризации японского социума.

Определение концептуальной системы дискурсивного продукта. Экстралингвистический контекст произведения предопределяет его ключевой концепт – это гештальтный концепт «война», или «戦争» /сэнсо:/ в японской терминологии. Подбор такой японоязычной номинации в качестве имени ключевого концепта обусловлен ее наибольшей частотностью по данным сбалансированного корпуса современного письменного японского языка «Сёнагон» («少納言近代日本語書き言葉均衡コーパス»): 12629 упоминаний (ср. 戦い /татакаи/ – 4164, 争い /арасои/ – 1926, いくさ /икуса/ – 3, 闘い /татакаи/ – 2).

На фоне данного макроконцепта хорошо профилируются базовые прототипические концепты. С целью их определения мы обратились к дефиниционному анализу лексемы «戦争». Суммарно проанализировано 10 дефиниций из 8 толковых словарей японского языка (Goo 国語辞典, Weblio 国語辞典, コトバンク, スーパー大辞林, デジタル大辞泉, 空港軍事用語辞典++, 川角必携国語辞典, 日本辞典). Дефиниционный анализ позволил вычленить две ядерные семы в значении лексемы «戦争»: «армия» и «противостояние». Они, по-видимому, составляют основу базового концептуального уровня, включающего аналогичные концепты: «軍» («армия» /гун/) и «対戦» («противостояние» /таисэн/). С целью определения микроконцептов, структурирующих субъективное индивидуальное знание, обратимся к анализу пропозиционального пласта дискурсивного материала.

В основе произведения находятся свидетельства автора, полученные в период службы военным корреспондентом в Маньчжурии в период

Русско-японской войны 1904–1905 гг. Фабула рассказа отражает эмоциональные переживания рассказчика, от лица которого осуществляется повествование: вынужденный наблюдать боль и смерть молодых солдат безымянный персонаж страдает от авитаминоза. Он вспоминает свою тихую жизнь, которая осталась в прошлом, отделенном войной, из которой невозможно выбраться, что метафорично указывает на мысль о том, что война – это тюрьма. Репрезентация образа войны на таком – фабульном – уровне дает почву для выделения микроконцептов «悩み» («страдание» /наями/) и «記憶» («память» /киоку/). Таким образом, концептуальная структура представляет собой следующую иерархию: макроконцептуальный уровень – «戦争» («война»), базовый уровень – «軍» («армия»), «対戦» («противостояние»)) и микроконцептуальный уровень – «悩み» («страдание»), «記憶» («память»)).

Анализ концептуального содержания образа. Концептуальная репрезентация осуществляется на лексическом, грамматическом и модусном уровнях. Лексическая ретрансляция является частотным способом формирования образа, благодаря основной своей функции – отражению реалий. Кроме того, каждый концепт находит репрезентацию в средствах грамматики – уровне, направленном на семиотическую структуру, создающую каркас для лексической ретрансляции. Модусная репрезентация в преломлении анализируемого дискурсивного продукта наблюдается в отношении микроконцепта «悩み» («страдание»), поскольку он отличается наибольшей субъективностью и экспрессивностью, отражающими позицию адресанта.

Опишем формы репрезентации концепта «軍» («армия»). Данная структура репрезентируется средствами лексико-фразеологического фонда, а именно на базе следующих групп лексем:

1. Военские звания: 士官 («офицер» /сикан/), 下士 («унтер-офицер» /каси/), 兵士 («солдат» /хэ:си/), 兵 («солдат» /хэ:/), 軍曹 («сержант» /гунсо:/).
2. Армейские единицы и подразделения: 日本兵 («японское войско» /нихонпэ:/), 聯隊 («полк» /рэнтаи/), 軍隊 («войско» /гунтаи/), 歩兵隊

(«пехотное подразделение» /хохэ:тай/), 兵 站 部 («этапное управление» /хэ:танбу/), 後 備 («запас второй очереди» /ко:би/), 軍 医 («военный врач» /гун'и/).

3. Армейская атрибутика: 軍 帽 («военная фуражка» /гунсо:/), 軍 服 («военная форма» /гунпуку/), 背 囊 («вещевой мешок» /хаино:/), 腰 の 剣 («поясной меч» /коси-но кэн/), 砲 車 («лафет» /хо:ся/), 銃 («ружье» /дзю:/), 小 銃 («винтовка» /сё:дзю:/), 機 関 銃 («пулемет» /кикандзю:/), 軍 艦 («военный корабль» /гункан/).

4. Военные действия: 行 軍 中 («в походе» /ко:гунтю:/), 防 禦 («оборона» /бо:гё/) и т.д.

5. Реалии военной жизни: 兵 営 («казарма» /сиэ:/), 病 兵 («больной солдат» /бё:хэ:/), 負 傷 兵 («раненный солдат» /фусё:хэ:/) и т.д.

Кроме того, немаловажным аспектом формирования данного концепта является грамматическая детерминация, которая в рамках материала идентифицируется во видовременных глагольных формах продолженного вида (〜ている/〜ていた): 戦 友 は 戦 っ て い る («Сейчас боевые соратники **на войне**»), 日 本 帝 国 の た め に 血 汐 を 流 し て い る («**Проливается** кровь во имя Японской империи»), 一 人 の 下 士 が 貨 車 の 荷 物 の 上 に 高 く 立 っ て 、 し き り に そ の 指 揮 を し て い た . («Один унтер-офицер поднялся на кучу вещей, сваленных в грузовик, и отдавал приказы»). Такие грамматические единицы прогрессива и комплетива формируют художественное пространство, в котором военные действия выражаются как динамичные события, окружающие репрезентанта (рассказчика).

Рассмотрим концепт « 対 戦 » («противостояние»). Данный базовый концепт репрезентируется, в том числе, при выделении следующих групп

лексем: 1) «内» («свой» /ути/) – 友人 («друг» /ю:дзин/), 戦友 («боевой соратник» /сэн'ю:/), 祖国 («родина» /сококу/); 2) «外» («чужой» /сото/) – 敵 («враг» /тэки/); 3) единиц обобщающей семантики – 敵味方 («враждующие стороны» /тэкимиката/). Коннотативная окраска лексических единиц преимущественно положительно-нейтральная, что объясняется стремлением адресанта запечатлеть не само противостояние «своих» и «чужих», а дать характеристику войны в отношении человека. Иными словами, именно образ войны обладает подчеркнуто отрицательной семантикой.

Данный концепт в рамках анализируемого дискурсивного продукта почти не репрезентируется грамматическими средствами. Исключение составляют формы противопоставления (一に対する /-ни тайсуру/), соотнесенности (一のため /-но тамэ/) и определения по формуле «我が一» («мой» /ва-га/): であのに、今忽然起こったのは死に対する不安である («Несмотря на это, неожиданно возникшее волнение – сейчас **в отношении** смерти»), 戦友の血に塗れた姿に胸を撲ったこともないではないが、これも**国のため**だ、**名誉**だと思った («Совсем не значит, что бил в грудь истекающего кровью товарища по полю брани, однако, думал, всё это было **ради** родины и славы»). 日本人だ、**わが同胞**だ、**下士**だ («Японец. **Земляк**. Сержант»). В использовании средств противопоставления и объединения подчеркивается противостояние врагу как физическому объекту (по ту линию фронта), так и метафорическому (смерти). В связи с этим также наблюдается идеологическая референция по отношению к «своим».

Анализируя концепт «悩み» («страдание»), отметим ряд лексико-фразеологических единиц, несущих оценочный характер и способных к образованию соматизмов в физической, телесной, а не метафорической интерпретации. Данные единицы классифицируются следующим образом (в скобках указываются компоненты, с которыми образуются коллокации):

1. Ментальное страдание: 衰顔 («упадок» /суитаи/), 戦慄 («дрожь»

/сэнтаи/), 恐ろしい(動揺) («ужасный» /осороси:/), 恐怖(の念) («страшный» /кё:фу/), 厭な(音) («отвратительный» /ияна/).

2. Физическое страдание: 叫喚 («воплъ» /кё:кан/), (脚が)重い («тяжелый» /омои/), (息が)苦しい («мучительный» /куруси:/), 重苦しい(息) («тяжелый» /омогуруси:/), (波の)叫び («крик» /сакэби/), はげしく(叫んで) («невозможно» /хагэсику/), けだるい («вялый» /кэдаруи/), (胸が)むかつく («тошнить» /мукацуку/), 疲労 («утомление» /хиро:/), ぐらぐらする («колыхаться» /гурагурасуру/).

Кроме того, благодаря грамматическим единицам возможно отметить детализацию выстраиваемого образа. Подчеркивая эту особенность, мы указываем на используемые адресантом единицы, конструирующие формы продолженного вида настоящее-будущего и прошедшего времени: 「苦しい、苦しい、苦しい!」寂としている («Невыносимо! Невыносимо! Невыносимо!», **кричу** в одиночестве.)) 黙って室の中に入ってきたが、そこに唸って転がっている病兵を蠟燭で照らした («Молча зашел в комнату, и перед глазами в свете свечи предстал больной солдат, **извивающийся и ревуший** во все горло»), 新しい苦痛が増した床近く蟋蟀が鳴いていた («Вновь **подступала** боль, а на полу рядом **стрекотал** сверчок»). Продолженный вид в аспекте прогрессива отражает темпоральную характеристику эмоционально-чувственной картины хронотопа.

В соответствии с имеющимися данными, микроконцепт «悩み» («страдание») также отличается модусной репрезентацией. Оценка, даваемая адресантом, заключается в исходных и адвербиальных формах прилагательных, которые призваны передать степень эмоциональной подавленности персонажа рассказа: 眼がぐらぐらする。胸がむかつく。脚がけだるい。頭脳ははげしく

旋回する (「Дергаются глаза. Тошнит. Ноги не чувствуются. Голова **невыносимо** кружится.»), その残月が薄く白けて淋しく空にかかっていた。
(«В белом свете полной луны ощущалась **звонящая** пустота»).

Наконец, приведем описание средств, благодаря которым реализуется концепт «記憶» (память). В отношении лексическо-фразеологического аспекта мы отмечаем 2 группы референций:

1. Прямая референция к процессам памяти, которая определяется в совпадении эксплицитной и имплицитной компонент: 得利寺で戦死した兵士がその以前かれに向かって「どうせ遁れられぬ穴だ。思い切りよく死ぬサ」と言ったことを思い出した («**Вспомнилось**, как погибший в бою у Вафангоу говорил: «Во всяком случае, это яма, в которую не получится упасть. Напрочь убьет»)), かれの頭はいつか子供の時代に飛び返っている («В своей голове он до сих пор **вспоминает** детство»).

2. Метафорическая референция, которая состоит в переносе имплицитного содержания одних лексико-фразеологических единиц на другие по признаку сходства: 故郷のさまが今一度その眼前に浮かぶ («Родной дом снова **перед моими глазами**»). きた時の汽車が眼の前を通り過ぎる。停車場は国旗で埋められている。万歳の声が長く長く続く。と忽然最愛の妻の顔が眼に浮かぶ («Перед глазами проносится вовремя подоспевший поезд. Станция утопает в бесчисленном количестве флагов. Где-то вдали слышны скандирующие голоса, а **перед моими глазами всплывает** лицо любимой»).

Грамматический план объективации обсуждаемого концепта складывается из видовременных форм – прошедшего времени, комплетива, а также вопросительной частицы つけ, которая подчеркивает апелляцию к прошлому адресанта: かれは病院の背後の便所を思い出してゾッとした («Ему стало мерзко только от одного **воспоминания** о туалете в заднем крыле

больницы»). 上陸当座はいっしょによく徴発に行ったっけ («Это ж, **насколько помню**, высадка привела к изъятию, не так ли?»). Рассматриваемая репрезентация определяет образ войны в перспективе темпоральности, разворачиваемой также за пределами фабулы – воспоминание свидетельствует о референции к опыту и наблюдению. Хронотоп произведения формируется на основе апелляции к прошлому, несмотря на имеющуюся референцию к событиям настоящего. Формы прошедшего времени обуславливают конструирование художественного фона в то время, как настоящее-будущее время свидетельствует о константной психологической саморепрезентации автора. Как следствие – прослеживается контраст мирной довоенной жизни и жестоких военных реалий.

Анализ идеологического содержания образа. Опишем лексико-фразеологические единицы, отражающие идеологические реалии дискурсивного продукта. Рассмотрению подвергаются в общей сложности 3 лексико-фразеологические единицы:

1. 日本帝国のために血汐を流している («Проливают кровь во имя Японской империи»). Лексическое сращение «日本帝国» в контексте произведения дает отсылку к Японской империи как одной из сторон конфликта. Указанная номинация совпадает с периодом функционирования Конституции Японской империи (1890 – 1947 гг.). Позднее утрачивается компонент 帝国 (/тэ:коку/ «империя»), первый иероглиф которого (帝 /тэ:/ «японский император») образует лексический ряд с семьей «империализм» – 皇帝 (/ко:тэ:/ «император»), 天帝 (/тэнтэ:/ «царь небесный») и пр. Кроме того, компонент 日本 («Япония») имеет несколько чтений, среди которых примечательным является /ямато/ – древнее именование Японии, применяемое с целью актуализации националистического, народного начала. Таким образом, употребление данного лексического сращения формирует отсылку к идеологическому контексту рассказа.

2. 戦争は大なる牢獄である («Война – это большая тюрьма»). В фокусе находится лексема 牢獄 (/ро:гоку/ «тюрьма»), вступающая в семантическое

взаимодействие с лексемой 戦争 (/сэнсо:/ «война»), с которой образует метафорическую макропропозицию всего дискурсивного продукта – война есть тюрьма. Сама лексема включает в себя компоненты со значениями «темница» и «тюрьма», из которых 獄 (/гоку/) обладает полисемией – также имеет значение «ад». Таким образом, война приравнивается не только к тюрьме, но и к аду.

3. 野は平和である («Тихое поле»). Лексема 平和 (/хэ:ва/) репрезентирует значение «мир, спокойствие» и образует контраст с лексемой 牢獄 (/ро:гоку/ «тюрьма»). Кроме того, в связке с 野 (/но/ «поле») наблюдается образование противопоставления «человек – природа», которое манифестируется в диаде «война – поле», т. е. «спокойствие» в контексте произведения отождествляется с отсутствием человека как источника конфликта – войны, что, в свою очередь, подчеркивает антропологическую основу образа войны.

Анализ прагматического содержания образа. В рамках художественного дискурса представляется необходимым выделять 2 коммуникативных фокуса интеракции: 1) частный – внутрихудожественная коммуникация, реализуемая между персонажами как репрезентантами авторской картины мира, и 2) общий – коммуникация автора (адресанта) и читателя (адресата), в которой текст представляет собой средство ее реализации. В частном фокусе коммуникативные события формируются как следствие авторской картины мира, протекают в замкнутой системе произведения и включают только художественное взаимодействие персонажей. В общем – прослеживается линейность передачи сообщения в рамках всего объема произведения. В русле настоящего исследования наиболее релевантным фокусом является именно частный ввиду того, что персонажи произведения функционируют в качестве репрезентантов авторской концептуальной картины мира, поэтому ниже мы сосредоточимся на анализе их коммуникативных действий.

Рассказ отличается низкой интенсивностью внутрихудожественной коммуникации: в нем насчитывается в целом 3 коротких диалога:

1. Беседа рассказчика и унтер-офицера о состоянии здоровья, сопровождающаяся также ремарками о ходе войны. Наблюдается тактика запроса информации, репрезентируемая в вопросительных формах: 貴様はなんだ? («А ты почему?»), どうしたのか («По какой причине?»), 治ったのか

(«Выздоровел?»). Кроме того, намечается тактика формирования эмоционального настроения, которая прослеживается за счет грамматических частиц со значением предположения: 今度の戦争は大きいだろう («В этот раз война **отнюдь** не маленькая»), 一日では勝敗がつくまい («За один день **никак** не решится исход»).

2. Беседа рассказчика и старшего рядового о состоянии здоровья и ходе войны. Репрезентируются следующие тактики: запроса информации: おい、君、どうした? («Эй, ты! Что с **тобой?**»), 脚気? («Авитаминоз, говоришь?»), よほど悪いのか («Должно быть, неприятно?»); формирования эмоционального настроения: それア困るだろう («Вот незадача-**то**»), それ向こうに丘が見えるだろう («**Похоже**, впереди виднеется холм»).

3. Беседа двух солдат о состоянии здоровья рассказчика. Намечаются следующие тактики: запроса информации: いつからここにきてるんだ? («Сколько он здесь лежит?»), 何時ですか («Который час?»), 衝心? («Авитаминоз?»); формирования эмоционального настроения: 脚気衝心だナ («**Похоже**, это авитаминоз»), それア、気の毒だ («Мои **соболезнования**»).

В каждом диалоге реализуется стратегия информирования, структурно построенная в виде вопросно-ответной формы. Такая коммуникация передает общие черты и динамику художественного пространства. Кроме того, образ войны обогащается за счет репрезентации персонажей – простых людей, здоровых и больных, вынужденных идти на войну и рисковать жизнью. Кроме того, для двух диалогов персонажей характерен так называемый тематический каплинг – из-за того, что две темы регулярно совмещаются в одном контексте, они становятся триггером для возникновения некой третьей темы, имеющей имплицитное выражение. В данном случае регулярно совмещаются такие темы, как ход войны и состояние здоровья рассказчика. Это совмещение приводит к появлению контаминированного образа войны как болезни. Расширяясь, в контексте всего произведения она приводит к формированию макропропозиции «Война – это болезнь общества».

Обобщение полученных ранее данных. Образ войны в рассказе Таямы Катай отражает ряд доминантных концептуальных признаков и, формируясь в качестве специфической реакции на явления экстралингвистической реальности, конструируется дискурсивными средствами. Концептуальная основа образа войны в рассказе создается за счет иерархической структуры, на вершине которой находится макроконцепт «война», представляющий собой первичную репрезентацию макроконцептуального уровня, ввиду своей гештальтной структуры. При этом его отдельные грани профилируются за счет пропозициональной наполненности произведения. На следующем уровне иерархии находятся базовые концепты – «軍» и «対戦» («армия» и «противостояние»), далее следуют микроконцептуальные структуры – «悩み» и «記憶» («страдание» и «память»). Концептуальная иерархия отражает не только формальную, основную грань образа (армейский уклад, военные реалии, ход войны и противостояние конфликтующих сторон), но также и эмоционально-чувственную (эмоциональные и физические переживания, тоска по мирному довоенному быту – антитезе военных реалий), за счет чего считается единый образ войны как феномена, влекущего разрушение социального уклада и личности. Война в произведении Таямы Катай предстает отнюдь не праведной, а причиняющей физическую и эмоциональную боль – как антоним «мира» и «спокойствия», как болезнь общества и тюрьма для свободной личности.

При этом в дискурсивном конструировании подобного образа используются разноуровневые средства языка: от лексических синонимов, лексем с яркой экспрессивной окраской, фразеологизмов с выраженной культурной коннотацией, а также грамматических средств, призванных эксплицировать субъективное восприятие субъектом дискурса времени и пространства в контексте военных действий, до метафорических образов войны как тюрьмы и болезни.

Conclusion (Заключение)

В данной публикации мы предприняли попытку описать содержательное наполнение образа войны и способы его конструирования в рамках японского художественного антимилитаристского дискурса. Благодаря когнитивному подходу к анализу дискурсивного конструирования стало возможным описать иерархию смыслов, формирующих концептуальную основу образа войны в рассказе Таямы Катай. Система, состоящая из макроконцепта, концептов базового и индивидуального уровней, синергетически результирует на уровне

дискурса в яркий индивидуальный образ войны как болезни, разрушающей как личность, так и общество.

Перспективу исследования составляет применение апробированной методологии на материале других художественных текстов японской антимилитаристской прозы XX-XXI вв.

Библиографический список

- Арутюнова Н. Д.* Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Болдырев Н. Н.* Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16-25.
- Голованева М. А.* Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: дисс. ... док. филол. наук / М.А. Голованева. Волгоград, 2013. 450 с.
- Колышева О. Н.* Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник РУДН. 2020. №2. С. 398-411.
- Краснова Т. И.* Другой голос. Анализ газетного дискурса российского зарубежья 1917–1920(22) гг. СПб.: Северная звезда, 2011. 588 с.
- Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4. С. 32-40.
- Олизко Н. С.* Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №33 (248). С. 164-166.
- Олизко Н. С.* Реализация интердискурсивности в семиотическом пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №22 (276). С. 86-89.
- Плотникова С. Н.* Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. №5 (90). 2014. С. 41-46.
- Федосеева Е. В.* Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Федосеева. Иркутск, 2016. 190 с.
- Халитова С. Е.* К вопросу соотношения понятий *концепт* и *образ* // Вестник КазНУ. №6 (130). 2010. С. 130-134.
- Foucault M.* Strategies of power // The Fontana postmodernism reader. – UK: Fontana Press, 1996. 235 p.
- Kolysheva O. N.* Experience with oral history and narratives of “children of war” // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Material anthology of International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”. – London: Future Academy, 2019. P. 1721-1728.

Nikolopoulou A. A. Critical approach to the discursive construction of work and the self as an employee in present day Greece: doctoral thesis / A. A. Nikolopoulou. Barcelona, 2016. 278 p.

Rosch E. et al. Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. №8. 1976. P. 382-439.

Wren J.A. The language of self, power, meaning: Japanese literature and the cultural boundaries of ideology // ENTREPALAVRAS. 2016. Vol. 6. №2. P. 141-181.

References

- Arutyunova N. D.* (1990) Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow, Soviet Encyclopedia, pp. 136-137. (In Russian)
- Boldyrev N. N.* (2016) The typology of concepts and linguistic interpretation. Modern Russia: Traditions and innovations in language and linguistics: reports presented at the International scientific conference, dedicated to L.G. Babenko, Russian honored scientist, Doctor of Sciences (Philology), anniversary, September 28-30, 2016., Ekaterinburg, Russia. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, pp. 16-25. (In Russian)
- Fedoseeva E. V.* (2016) Cognitive mechanisms of the discursive construction of reality in media (based on material of the articles about Russia in modern English media): diss. ... Doc. of Sciences (Philology). Irkutsk, 190 p. (In Russian)
- Foucault M.* (1996) Strategies of power. The Fontana postmodernism reader. UK, Fontana Press, 235 p.
- Golovaneva M. A.* (2013) Communicative and cognitive space of the Russian drama of the end of XX century: diss. ... Doc. of Sciences (Philology). Volgograd, 450 p. (In Russian)
- Khalitova S. E.* (2010) About the correlation of terms “concept” and “image”. Journal of KazNU. Philology, 6(130), pp. 130-134. (In Russian)
- Kolysheva O. N.* (2019) Experience with oral history and narratives of “children of war”. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Material anthology of International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”. London, Future Academy, pp. 1721-1728.
- Kolysheva O. N.* (2020) Narrative as a mnemonic text (on the basis of the narratives of “children of war”). Journal of RUDN university, №2, pp. 398-411. (In Russian)
- Krasnova T. I.* (2011) The other voice. Analysis of the discourse of newspapers abroad Russia dated 1917–1920(22). SPb., Severnaya zvezda, 588 p. (In Russian)
- Malysheva E. G.* (2009) Ideologeme as a linguacultural phenomenon: definition and classification. Political linguistics, №4, pp. 32-40. (In Russian)
- Nikolopoulou A. A.* (2016) Critical approach to the discursive construction of work and the self as an employee in present day Greece: doctoral thesis. Barcelona, 2016, 278 p.
- Oliz'ko N. S.* (2011) Literary discourse as the polylogue of author, reader and text. Journal of Chelyabinsk Federal University. Philology, 33(248), pp. 164-166. (In Russian)
- Oli'zko N. S.* (2012) Realization of interdiscursivity in a semiotic sphere. Journal of Chelyabinsk Federal University. Philology, 22(276), pp. 86-89. (In Russian)

- Plotnikova S. N.* (2014) Discursive construction as the theoretical term. Journal of VSPU, 5(90), pp. 41-46. (In Russian)
- Rosch E. et al.* (1976). Basic Objects in Natural Categories. Cognitive Psychology. №8. pp. 382-439.
- Wren J.A.* (2016) The language of self, power, meaning: Japanese literature and the cultural boundaries of ideology. ENTREPALAVRAS, Vol. 6, №2, pp. 141-181.